

В. А. Томсинов

**Кризис
правосознания
как причина
разрушения
государства**

Кризис правосознания как причина разрушения государства

*Томсинов В.А.,
зав. кафедрой истории государства и права
юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор*

Слово «кризис» в последние годы стало очень популярным в нашем обществе. Но почему-то, употребляя его, чаще всего имеют в виду экономический кризис. Это явление, конечно, представляет угрозу существованию любого государства, однако намного более опасным для государственного организма представляется кризис другого рода, а именно: кризис **правосознания**.

В мировой истории случились три великих революции, которые сопровождались тотальным разрушением государства, гражданской войной, чрезвычайными бедствиями для населения: английская 1640–1660 годов, французская 1789–1794 годов и русская, начавшаяся в феврале 1917 года. Все они произошли в условиях неурядиц в экономике, когда верховная государственная власть испытывала огромный недостаток финансовых средств в казне¹. Все они разразились при наличии раскола в политической элите. Все они сопровождались массовыми народными демонстрациями: выходом

---

¹ В Англии этот финансовый дефицит был вызван войной с Шотландией, во Франции неурожаем 1788 г., в России — участием в Первой мировой войне.

толп народа на улицы столицы, митингами или шествиями многих тысяч людей.

Обыкновенно именно с этими явлениями связывают революцию и разрушение государства. Но если посмотреть на них с точки исторических фактов и здравого смысла, то мы неизбежно придем к выводу, что и экономические кризисы с дефицитами государственных финансов, и как следствие этого, обеднение населения, и усиление раздоров в правящем слое общества, и массовые народные протестные движения — все это вполне обыкновенные, часто случающиеся в жизни любой страны явления. Можно даже сказать, что эти явления более, чем нормальные — они необходимы для поступательного развития любого государства. *Они в сущности своей есть реакция живого тела общества на какие-то вредные для него действия государства, сигнал и требование, обращенные к государственной власти со стороны общества о том, что необходимо вносить изменения в государственную политику, менять людей, осуществляющих ее, обновлять государство.*

Экономические кризисы и бюджетные дефициты многократно возникали и в Англии, и во Франции, и в России, но революционная катастрофа в каждой из этих странах разразилась почему-то лишь в условиях экономического и финансового кризиса, который случился соответственно в 1640-м, 1789-м и в 1917 году.

Разделение политической элиты на группировки также вполне нормальное явление. Не может быть в нормальном государстве полного согласия по всем вопросам государственной политики в среде людей, занимающих государственные должности, даже высшие. Не может в нем существовать единой во всем правящей элиты. Более того, надо, пожалуй, признать, что *разделение правящих лиц на группировки — это не только неизбежное, вытекающее во многом из*

людской природы, явление, но также явление необходимое для поддержания здоровья в государственном организме, для предотвращения личностной деградации среди носителей государственной власти, для принятия правильных, выверенных, учитывающих различные точки зрения государственных решений.

Говоря о демократии, не следует питать излишних иллюзий относительно способности народа контролировать деятельность государства, ограничивать произвол государственной власти. Народ не имеет для этого единой организации — он разделен на этносы, профессиональные и просто возрастные группы, он разобщен территориально, культурно, по религиозному признаку и т.д. — поэтому у него нет возможностей эффективно противостоять произволу со стороны носителей государственной власти. Их разделение на группировки создает в правящем слое неформальную систему сдержек и противовесов, взаимного контроля за действиями друг друга, механизм обуздания пороков, от которых не свободен любой человек, но проявление которых в людях, занимающих высшие должности в государственном аппарате для общества и государства особенно пагубно.

Революцию и разрушение государства обыкновенно связывают с массовыми народными волнениями, с выходом толп народа на улицы городов. Эти явления действительно составляли важнейшие события английской, французской и русской революций. Вероятно, по аналогии с ними некоторые наши публицисты и политики увидели признаки революции в состоявшихся в Москве в декабре 2011 года многотысячных шествиях и митингах. Между тем подобные народные демонстрации регулярно происходят по разным поводам в современных Англии, Франции, США, Германии, Греции и других

странах. При этом они имеют нередко значительно более массовый характер по сравнению с демонстрациями в Москве, но тем не менее в них не усматривают проявлений революции и угрозы разрушения государства.

В течение XX века наше Отечество испытало две революционные и государственные катастрофы — в 1917-м и в 1991 годах. И в обоих случаях немаловажную роль в этих трагедиях сыграли массовые народные демонстрации. Но разве от народных толп исходил разрушающий импульс? Разве не были они всего лишь орудием в руках настоящих разрушительных сил, погубивших традиционный имперский и советский варианты Русской цивилизации?

Поэт Александр Блок, работавший в качестве редактора в учрежденной Временным правительством «Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств», записал 25 мая 1917 года в свой дневник: «"Революционный народ" — понятие не вполне реальное. Не мог сразу сделаться революционным тот народ, для которого, в большинстве, крушение власти оказалось неожиданностью и "чудом", скорее, просто неожиданностью, как крушение поезда ночью, как обвал моста под ногами, как падение дома. Революция предполагает волю; было ли действие воли? Было со стороны небольшой кучки лиц. Не знаю, была ли революция?»².

Очевидно, что выход народных масс на улицы городов **сам по себе** никакой угрозы существованию государства не имеет, более того

---

² Дневник Ал. Блока. 1917–1921 / Под редакцией П. Л. Медведева. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1928. С. 12.

— это явление несет в себе оздоравливающий для него эффект, оно есть лекарство, способное вылечить больной государственный организм. *Массовые народные демонстрации, как ветер, сокрушают только прогнившее до фундамента здание государственности. Здание же хорошо сложенное, стоящее на крепком фундаменте, они лишь проветривают — освежая воздух внутри него, выдувая из него вредные примеси.*

С другой стороны, выходящие на площади с теми иными требованиями к государственной власти, к главе государства демонстранты, должны понимать, что нормальная человеческая жизнь в обществе создается не государством, а самим обществом. Она формируется усилиями каждого отдельного гражданина, его повседневным поведением, его активной позицией. Люди, которые мирятся со злоупотреблениями вокруг себя — там, где работают или учатся, хотя имеют все возможности, объединившись, если не искоренить их вовсе, то ограничить — те, кто не предпринимают никаких усилий для того, чтобы изменить жизнь к лучшему вокруг себя, но при этом регулярно ходят на митинги, чтобы обличать государственную власть, выглядят, по меньшей мере, очень и очень странно.

* * *

Мировая история свидетельствует, что революционной катастрофы, влекущей за собой гибель государства, чаще всего не происходит, даже если экономический кризис, недостаток в казне финансовых средств и другие экономические неурядицы совпадают с кризисом в правящем слое, с обострением противоречий между различными группировками в нем, с массовыми народными волнениями. Чтобы такая катастрофа произошла, необходимо, чтобы ко всем названным условиям присоединились еще два

взаимосвязанных между собой явления, а именно: *нарастание до критического уровня негативного отношения к правящим персонам со стороны общества и прогрессирующей паралич государственной власти, которой эти персоны обладают.*

Опыт всех трех великих революций — вспыхнувшей в Англии в 1640 году, во Франции в 1789-м, в России в 1917-м, а также история крушения СССР показывает, что носители государственной власти при появлении угрозы возникновения революционного пожара ведут себя, за редким исключением, не как пожарники, призванные быть готовыми к его тушению и предпринимающие все необходимое для его предотвращения, но как *простые и вороватые обыватели, которые, почувствовав, что пожар подбирается к дому, спешат обогатиться за чужой счет, унести из него как можно больше чужого имущества, чтобы присвоить его себе. Верховные же властители в предреволюционные годы просто теряют здравый смысл и совершают роковые ошибки, приближающие государственную катастрофу*³.

Истоки любой революции, любого процесса, который ведет к разрушению государства надо искать не на улицах городов, не в народных толпах и тем более не в мелких, похожих более на секты или клубы по интересам, организациях людей, мнящих себя

---

³ Английский король Карл I в 1637 году предпринял попытку навязать шотландским церквям обряды англиканской церкви, добиваясь единообразия церковных обрядов в двух разных королевствах — Англии и Шотландии, в которых он занимал королевский престол. Данная мера вызвала чрезвычайное возмущение шотландцев и привела в конце концов к шотландско-английской войне, которая опустошила казну Карла I и заставила его созвать 3 ноября 1640 года парламент. Образовавшаяся в нем оппозиция сразу же начала борьбу за ограничение королевской власти. Эта борьба вылилась в августе 1642 года в гражданскую войну, окончившуюся разрушением традиционного английского государства: казнью Карла I, ликвидацией королевской должности и упразднением Палаты лордов. Подобным же образом обстояло дело и во Франции, где к концу 80-х годов XVIII века абсолютистский государственный строй изжил себя и явно нуждался в реформах. Но французский король Людовик XVI не осмелился пойти на реформы, дающие простор политическим притязаниям третьего сословия и ограничивающие политическую роль аристократии. Вместо этого своей неудачной финансовой политикой он опустошил казну и был вынужден созвать в мае 1789 года Генеральные штаты. Не созывавшиеся до этого 175 лет они в течение двух месяцев, благодаря активности депутатов от горожан превратились в настоящий штаб революции, унесшей через три года в небытие восьмисотлетнюю французскую монархию.

оппозицией, революционерами — разного рода «координационных советах», «союзах», «фронтах», собирающихся на заседания чаще всего не для того, чтобы решать программные, идеологические или организационные проблемы, но просто лишь для того, чтобы собраться и позаседать. Их значимость и заметность зависит не от них самих, а исключительно от внимания к ним СМИ и государственных органов.

В складывающейся ныне в России сложной политической и экономической ситуации надо ясно сознавать, что **настоящая, серьезная угроза существованию государства проистекает главным образом от самого государства.** Эта мысль только на первый взгляд кажется парадоксальной.

* * *

Опыт мировой истории учит, что настоящими «революционерами» и успешными разрушителями государства — *величайшими государственными преступниками* — во всех случаях революционных катастроф были сначала **носители верховной государственной власти.** Именно они своим поведением наносили первый и самый страшный удар по зданию государственности, вызывая в нем трещины и... революцию.

Ведь государство это не только совокупность учреждений или институтов, но еще и духовное поле, заставляющее население повиноваться носителям публичной власти, соблюдать законы, выполнять свои гражданские и государственные обязанности. Ядром этого духовного поля является, с одной стороны, доверие народа к лицам, обладающим государственной властью, а с другой — уважительное отношение людей, составляющих правящий слой, к своему народу, его достоинству, интересам и потребностям.

Такой взгляд на государство позволяет увидеть процесс его разрушения еще до того, как оно окончательно рухнет и погребет под собой общество.

Крушение государственности Российской империи началось не с отречения императора Николая II от престола, повлекшего за собой, вследствие отказа его брата великого князя Михаила Александровича принять на себя императорскую власть до решения Учредительного собрания, фактическую ликвидацию в России монархии. И тем более не действиями Временного правительства была сокрушена Российская империя, хотя, надо признать, свою работу по разрушению традиционной русской имперской государственности это очень странное правительство совершало с необыкновенным усердием. По словам современного историка В. А. Никонова, «действуя в твердом убеждении, что представители прежней власти по определению являются некомпетентными, антинародными и склонными к предательству элементами, Временное правительство в здравом уме и твердой памяти самостоятельно ликвидировало весь государственный аппарат России, оставив потом большевиков с их идеей слома старой государственной машины практически без работы... Временное правительство полностью уничтожило российскую правоохранительную систему. Были упразднены не только полиция, но и особые гражданские суды, охранные отделения, отдельный корпус жандармов, включая и железнодорожную полицию. На места были разосланы инструкции о создании отрядов народной милиции под командованием армейских офицеров, выбранных земствами и Советами. Дееспособность такой милиции была нулевой, тем более что в нее в массовом порядке стали

записываться криминальные авторитеты, выпущенные на волю в рамках всеобщей политической и уголовной амнистии»⁴.

Как бы то ни было, Временное правительство лишь довершило процесс разрушения государственности Российской империи. Начался же он тогда, когда стало распадаться «духовное поле, заставляющее население повиноваться носителям публичной власти, соблюдать законы, выполнять свои гражданские и государственные обязанности».

В политической элите данный распад шел быстрее: некоторые группировки в ее среде уже в начале осени 1916 года вполне допускали возможность принуждения императора к отречению или даже убийства его величества в случае, если он откажется выполнить их требования⁵. Планы заговоров против Николая II вынашивались и самом Императорском доме. Посол Франции в России Морис Палеолог записал в своем дневнике 5 января 1917 года (по Григорианскому календарю): «Вечером я узнал, что в семье Романовых великие тревоги и волнение. Несколько великих князей, в числе которых мне называют трех сыновей великой княгини Марии Павловны: Кирилла, Бориса и Андрея, говорят ни больше, ни меньше, как о том, чтобы спасти царизм путем дворцового переворота. С помощью четырех гвардейских полков, которых преданность уже поколеблена, двинутся ночью на Царское Село; захватят царя и царицу; императору докажут необходимость отречься от престола; императрицу заточат в монастырь; затем объявят царем наследника Алексея, под регентством великого князя Николая Николаевича»⁶.

---

⁴ Никонов В. А. Крушение России. М.: Вече, 2012. С. 900–901.

⁵ См. об этом: Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923. С. 208.

⁶ Там же. С. 274.

О том, что подобные планы не были простой фантазией, что их сочинители были людьми решительными, свидетельствует убийство духовника царской семьи Григория Распутина, совершенное в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года, при активном участии великого князя Дмитрия Павловича Романова. Правда, в заговоре против самого императора его высочество участвовать отказался, сообщив заговорщикам: «Я не нарушу своей присяги в верности».

Среди населения падение авторитета носителя верховной государственной власти — императора — шло также стремительно, в чем немалую роль играли мифы об измене немцам императрицы Александры Федоровны, о большом влиянии Григория Распутина на государственные решения, принимаемые Николаем II. Государь быстро превращался в объект насмешек и не только в столичных городах России, но и в действующей армии.

Правительство же, беспрестанно менявшееся в своем составе, наполнялось совершенно бездарными и просто глуповатыми людьми, которые «не обновляли и не поддерживали власть, а только ускорили ее падение»⁷. Хорошей иллюстрацией к этим словам Александра Блока служат следующие слова из письма великого князя Александра Михайловича к императору Николаю II, написанные 4 февраля 1917 года: «В заключение скажу, что как это ни странно, но правительство есть сегодня тот орган, который подготавливает революцию; народ ее не хочет, но правительство употребляет все возможные меры, чтобы

⁷ Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил Александр Блок. Петербург: Алконост, 1921. С. 13–14. По словам Александра Блока, «среди членов правительства было немного лиц, о которых можно говорить подробно, так как их личная деятельность мало чем отмечена; все они неслись в неудержимом водовороте к неминуемой катастрофе. Среди них были и люди высокой честности, как, например, министр народного просвещения граф Игнатъев, много раз просившийся в отставку и смененный Кульчицким лишь за два месяца до переворота, или министр иностранных дел Покровский, которому приходилось указывать на невозможность руководить внешней политикой при существующем курсе политики внутренней; но и эти люди ничего не могли сделать для того, чтобы предотвратить катастрофу» (С. 17–18).

сделать как можно больше недовольных, и вполне в этом успевает. Мы присутствуем при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу»⁸.

Любая революция, выливающаяся в разрушение государства, сопровождается массовым неповиновением населения страны официальной государственной власти. Это явление всегда оказывается, в силу своей массовости, наиболее заметным революционным событием. Однако оно составляет только поверхностный процесс, который скрывает под собой явление значительно более разрушительное для государства, нежели неповиновение народа государственной власти. Таким явлением всегда бывает неподчинение государственных должностных лиц нормам конституции и обыкновенных законов, а также воле носителя верховной государственной власти, неисполнение его указов и распоряжений.

В результате подобной практики глава государства лишается эффективного инструмента управления страной, проведения своей политики во всех сферах государственной жизни. Правительство, состоящее из людей, которые, занимая государственные должности, служат не государственным, а исключительно личным эгоистическим интересам, не может выполнять такой роли, но вполне способно стать источником антигосударственных настроений в обществе.

Если государство представляет собой *«не только совокупность учреждений или институтов, но еще и духовное поле, заставляющее население повиноваться носителям публичной власти, соблюдать законы, выполнять свои гражданские и государственные обязанности»*, то

---

⁸ Письмо в. кн. Александра Михайловича к Николаю II, от 25 декабря 1916 – 4 февраля 1917 годов // Последние дни императорской власти. С. 121.

государственная служба должна являться, помимо прочего, еще и службой авторитету государства.

Это означает недопустимость для чиновника добиваться каких-либо государственных целей путем обмана, подкупа, фальсификаций, порочащих как его самого, так и государство, которому он призван служить.

Великий русский мыслитель XX века — столетия мировых войн и революций — Иван Александрович Ильин⁹ связывал утрату доверия народа к своему правительству с нарастанием в обществе кризиса правосознания, а с другой стороны, он понимал кризис, болезнь общественного правосознания прежде всего как утрату государственной властью своего авторитета среди населения.

«Доверие к власти, — писал И. А. Ильин в книге «О сущности правосознания», — есть признание ее правотворческой компетентности, ее правой воли и ее благонамеренной силы; недоверие к власти есть непризнание ее, отказ в санкции, отвержение ее авторитета; иными словами, это есть *начало ее ниспровержения*.

Революция зарождается в стране не в момент уличных движений, но в тот момент, когда в душах начинает колебаться доверие к власти; поэтому тот, кто расшатывает это доверие, — вступает на путь революции»¹⁰ (выделено мною. — В.Т.).

В другом месте указанной книги Ильин прямо отождествлял здоровое общественное правосознание и доверие граждан к государственной власти, отмечая, в частности: «Нормальное правосознание утверждает, что государство по своей идее есть живая

⁹ См. о нем книгу: Томсинов В.А. Мыслитель с поющим сердцем. Иван Александрович Ильин: русский идеолог эпохи революций. М.: Зерцало-М, 2012 (серия «Великие русские люди»).

¹⁰ Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Теория права и государства. Издание 2-е, дополненное / Под редакцией и с биографическим очерком В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. С. 513–514.

система всеобщего доверия. Исторические государства должны постоянно стремиться к этому идеалу; от достижения его зависит вся правовая жизнь народа и вся его политическая судьба. Есть необходимый минимум взаимного — общественного и политического — доверия: вне его государство не может существовать; есть крайний максимум отсутствия доверия, за которым государство начинает заживо разлагаться»¹¹.

Появление и распространение в обществе презрения к носителям государственной власти русский мыслитель считал процессом, который неминуемо влечет за собой разложение правосознания, что в свою очередь убивает в людях честь и совесть, чувство меры и справедливости, разрушая тем самым государство. В связи с этим он выражал убеждение — *люди, облеченные государственной властью должны при любых обстоятельствах вести себя и действовать так, чтобы в обществе сохранялось к ним уважительное отношение.*

Подобную мысль высказывал в свое время и К. П. Победоносцев. «Вся тайна русского порядка и преуспеяние — наверху, в лице верховной власти, — наставлял он наследника престола цесаревича Александра Александровича. — Не думайте, чтобы подчиненные Вам власти себя ограничили и поставили на дело, если Вы себя не ограничите и не поставите на дело. Где себя распустите, там распустится и вся земля. Ваш труд всех подвинет на дело, Ваше послабление и роскошь зальет всю землю послаблением и роскошью, — вот что значит тот союз с землею, в котором Вы родились, и та власть, которая Вам суждена от Бога»¹².

¹¹ Там же. С. 521.

¹² Письмо К. П. Победоносцева к великому князю Александру Александровичу от 12 октября 1876 года // Письма Победоносцева к Александру III. Том 1. М., 1925. С. 53–54.

Разрушение государства всегда влечет за собой чрезвычайные лишения для простых людей. Но даже если утрата народом уважения, доверия к государственной власти не приводит к государственной катастрофе, она все равно и сама по себе имеет вредные последствия для народной жизни, поскольку подрывает нравственные устои общества. Эту закономерность заметил И. А. Ильин и описал ее очень проникновенными словами: «Когда народ теряет уважение к своей власти или начинает питать к ней даже презрение, то это означает, что его настигло глубокое духовное бедствие. Презрение к государственной власти есть начало всеобщего духовного развенчания и совлечения; за отрицанием публичных обязанностей идет отрицание всяких связей: презрение к государственному авторитету разлагает правосознание, разложение правосознания неминуемо захватывает честь и совесть, убивает чувство меры и справедливости, угашает веру и религию. Народ становится жертвою *духовного нигилизма*. Поэтому тот, кто облечен властью, имеет священную обязанность поддерживать уважение к ней. “Престиж” власти и “авторитет” власти составляют драгоценное достояние народа, его духовное богатство, залог его силы и расцвета: это есть накопленное веками уважение народа к самому себе и к своему национальному духу»¹³ (выделено мною. — В.Т.).

* * *

Признав, что наиболее опасным для российской государственности является в настоящее время не экономический кризис, о котором постоянно говорят и пишут в СМИ, а кризис правосознания, мы должны неизбежно сделать и другое признание. Из этого постулата следует, что не экономическая составляющая

---

¹³ Там же. С. 520.

нашей государственной политики должна стать главной в ближайшем будущем, но ПРАВОВАЯ.

Более того, есть основания считать, что всецело превалирующий на протяжении последних двух десятилетий сугубо экономический подход к решению тех иных общественных проблем, при умалении подхода правового, является грандиозной государственной ошибкой, не позволившей создать в России институционную основу нормальной экономики, нормальной политики и, как следствие, нормальной человеческой жизни.

Институционную основу нормальной экономики составляет, как известно, явление, называемое «свободным рынком». За его создание в России два десятилетия назад взялись исключительно экономисты, причем не слишком грамотные и, во всяком случае, не знавшие основ нормальной рыночной экономики, существовавшей в то время в ведущих Западных странах: США, Англии, Германии, Франции и др. Поэтому главное свое внимание они обратили на ту сферу рынка, которая на самом деле главной не являлась и до сих не является, а именно: на сферу свободы. Создание «свободного рынка» было понято ими как предоставление почти полной свободы всем его участникам. Между тем в действительности в таком явлении, как «свободный рынок» главным является не максимально возможная свобода, но максимально возможная несвобода. **«Свободный рынок» только по названию является рынком «свободы», в действительности настоящий «свободный рынок» — это рынок несвободы.** Соответственно его создание необходимо было начинать с возведения различного рода барьеров, ограничений, запретов для производителей и торговцев, определяющих основополагающие правила производственной и коммерческой деятельности, параметры качества производимой продукции, предельные наценки на ее

стоимость и т.д. «Свободный рынок» — это в большей мере юридическое, а не экономическое явление. Свобода в нем — явление остаточное: она создается правовыми рамками, которые четко определяют сферу, где участник рынка может поступать по своей воле. Например, каждый собственник того или иного имущества может пользоваться и распоряжаться им по своей воле или, в варианте Гражданского кодекса Франции, — «наиболее абсолютным образом», но только так, чтобы осуществление этих прав не нарушало законов¹⁴.

Очевидно, что только нормальный «свободный рынок», то есть рынок, в котором свобода понимается как возможность для его участника поступать по своему усмотрению в рамках, определенных законом, способен стать регулятором нормальной экономической жизни.

Вместе с тем такого рода «свободный рынок» выполняет и другую очень важную для поддержания нормальной человеческой жизни в обществе функцию — погружая своих участников в разветвленную и сложную сеть юридических правоотношений, он способствует воспитанию у них нормального правосознания.

Дикий же «свободный рынок», возникший в России в первой половине 90-х годов XX века и до сих пор существующий, не способствует воспитанию нормального правосознания в обществе. Успех его участников не только не зависит от соблюдения ими норм

¹⁴ Статья 544 Гражданского кодекса Франции гласит: «Собственность есть право пользоваться (*jouir*) и распоряжаться (*disposer*) вещами наиболее абсолютным образом, если только осуществление этого права (*usage*) не делается запрещенным законами или регламентами». Многие правоведы больше внимания обращают на первую часть этого определения, между тем более важной для законодателя здесь была последняя часть, ограничивающая осуществление собственником своих прав «законами и регламентами». О том, что настоящей свободой в понимании идеологов «свободной экономики» является только такая свобода, которая имеет рамки, очерченные законами, свидетельствует статья 4 Декларации прав человека и гражданина 1789 г., которая гласит: «Свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Пределы эти могут быть определены только законом».

закона, а напротив, предполагает постоянное их нарушение. Такой «свободный рынок» является по сути одним из главных факторов, сохраняющих правосознание нашего общества в кризисном состоянии.

Если принять во внимание, что именно кризис правосознания составляет главную опасность для нашего государства, то нельзя не признать, что сложившаяся в России в 90-е годы XX века экономическая рыночная система не совместима со здоровым государственным организмом.

* * *

Чтобы поддерживать уважение, доверие к себе в народе, а значит создавать в обществе здоровое правосознание, государственная власть должна быть не только инструментом принуждения, организующей силой, но и явлением **культурным и нравственным**. Она должна перестать быть феноменом, собирающим вокруг себя глупцов и негодяев, но сделаться центром притяжения к себе всего самого достойного, образованного, умного и талантливое в обществе.

19 октября 1836 года Александр Сергеевич Пушкин написал в черновике письма к Петру Яковлевичу Чаадаеву удивительные слова о российском государстве, которое обыкновенно клеймил позором: «Что надо было сказать и что вы сказали, это то, что наше современное общество столь же презренно, сколь глупо; что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всему, что является долгом, справедливостью, правом и истиной, ко всему, что не является необходимостью. Это циничное презрение к мысли и к достоинству человека. Надо было прибавить (не в качестве уступки, но как правду), что **правительство все еще единственный европеец в России**. И сколь бы грубо и цинично оно ни было, от него зависело

бы стать сто крат хуже. Никто не обратил бы на это ни малейшего внимания» (выделено мною. — В.Т.).

Подобное невозможно сказать о правительстве современной России. И не только потому, что его чиновники не отличаются особой образованностью и умом, но также по другой — более существенной причине.

Что делает государство культурным явлением? — Государственная идеология, носителем которой оно является. Но какую государственную идеологию «носит» наше современное российское государство?

Действующая ныне Конституция России устанавливает в статье 13, что «в Российской Федерации признается идеологическое многообразие» и что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Но разве может нормальное государство существовать без собственной государственной идеологии? И как можно поддерживать здоровое правосознание, культивировать уважение к государству, если у него нет своей идеологии, если оно не имеет собственной системы духовных ценностей, не может показать высокий смысл своего существования?

Государственная идеология — это духовное содержание государственного организма, программирующее определенное политическое мировоззрение и поведение для носителей государственной власти. Это живительный источник для здорового правосознания, которое, к сожалению, по целому причин является для современного российского общества пока еще недоступной роскошью.